

творческую силу, дайте появляться ей, не смущайтесь масштабом деятельности. С известной точки зрения никакая деятельность не дает удовлетворения; никто, кажется, никогда не был доволен результатами своей деятельности. Как мучился Гаусс, какое недовольство несовершенством своего творчества, невозможностью до конца выразить творческую идею испытывали великие художники, музыканты, как Бетховен, ученые, поэты, строители общества, где почти все начинания кончались провалом.

Неудачником, в сущности, был и я. Вместо ученого пришлось много сил и времени отдать организационной работе, к которой у меня никогда не лежало сердце, но к которой были способности, может быть, больше, чем к непосредственному научному творчеству, которое меня всегда влекло. Но и в организации, в сущности, ничего не вышло: большая работа в Саратове, куда была вложена вся энергия молодости, вся вера и весь её энтузиазм, в конце концов, разрушена Каценбогенами и иже с ними, а в дальнейшем уже не было той энергии и доверия (примеч. Д.: Соломон Захарович Каценбоген (1889-1946) – партийно-политический деятель, в 1928-1932 годы был ректором Саратовского государственного университета (СГУ), организовавшим там весной 1930 года «публичные чистки» с изгнанием «политически неблагонадежных» специалистов. Жертвами этих чисток были лучшие профессора СГУ, в том числе и Владимир Васильевич Голубев – он переехал в Москву для работы в ЦАГИ, а вскоре стал работать и на Мехмате МГУ). Дальнейшая работа учебная и организационная тоже шла при постоянном противодействии конкурирующих идей и дала очень мало.

И всё-таки это не так. С нашей дорогой мамой, моей любимой, неизменной сотрудницей в жизни, мы строили семью, крепкую и верную, пытались передать вам, мои дорогие дети, и вашим детям, нашим дорогим внукам, все лучшее, что имели. Наши идеи, мои научные идеи, моральные идеи, понимание мира, понимание роли и достоинства человека как-то отразятся в вас, ваших друзьях и врагах, и будут жить в мире и тогда, когда об вас исчезнет память.

Жизнь есть великая вещь, и сотворить её не так просто. Так будьте же творцами, строителями жизни, не живите установившимися шаблонами, традициями и привычками, творите жизнь, и в этой жизни идите вперед смело и независимо. Пусть вашим девизом будет: «*Mon verre n'est pas grand, mais je bois de mon verre!*» (примеч. Д.: /фр./ «Мой стакан не велик, но я пью из своего стакана!») Пусть для каждого из вас в мире будет хоть немного, но свое, оригинальное, добытое творчеством. В этом счастье! В этом жизнь!

Канун моих именин.

В изгнании, в Свердловске, 27.VIII, 1942 г.

О СУДЬБЕ ЭВАРИСТА ГАЛУА

В судьбе Эвариста Галуа (примеч. Д.: автор транскрибирует его фамилию как *Галюа*) есть что-то напоминающее судьбу некоторых писателей-романтиков начала прошлого столетия, неудачников, не пробивших себе дорогу в жизнь, рано умерших и оцененных только много лет спустя после смерти.

У Георга Брандеса в «Литературе XIX века в её главнейших течениях. Французская литература» есть любопытная характеристика некоторых из этих забытых поэтов. Любопытный образчик их мечты мы найдем в Сонете «Две шпаги» одного из таких неудачников – Теофила Дондэ, писавшего под псевдонимом Филотэ О'Недди (примеч. Д.: речь идёт о французском поэте и критике Теофиле Донде (1811-1875)):

«Сын горных высот имел прекрасную шпагу, которой он дал зарисовать в темном углу. Однажды клинок обратился к нему со словами: «Как мне тяжело это спокойствие! О воин, если бы ты только захотел! Моя сталь так хороша!»

Я похож на этот меч и говорю судьбе: «Разве ты не знаешь, как закалена моя душа и как чудесно засиял бы мой клинок, если бы твоя правая рука захотела заставить его играть на солнце! Он из благородной стали. О судьба, если бы ты только захотела!»».

Но судьба благосклонна далеко не ко всем. У одних мало таланта, у других мало выдержки, настойчивости, трудолюбия. А у натур, которые попадают в положение неудачников, самомнение, преувеличенное сознание своих достоинств, являются общим правилом. Если и бывают случаи, когда гениальность действительно соответствует тем претензиям, какие тут высказываются, как это и было, например, в случае Галуа, то это, естественно, является редким случаем. Но ведут себя вызывающе – все. И большие таланты, которым всё прощается, так как они действительно могут сказать про себя:

«Новые земли я вижу,
Лучше прекрасней их нет!».

И совсем пигмеи, которых случайность, восхваление окружающих, а иногда и просто своё собственное наивное невежество выдвигают на амплуа гениев, до которых им не дойти.

Галуа вёл себя вызывающе, мозолил очень многим глаза, и в конце концов это и привело его, по-видимому, к гибели на бессмысленном поединке из-за какой-то сомнительного поведения девицы от руки бретёра (примеч. Д.: здесь транскрибируется французское слово «bretteur», дословно означающее «человека, ищущего малейший повод для вызова на дуэль», т.е., так сказать, «дуэлянтного забияку»).

Ведь вот как вели себя современники Галуа – поэты.

Выпускает, например, начинающий поэт Борель книгу стихов «Les Rhapsodies» - книга по отзыву Брандеса очень юная и незрелая, с детскими протестами и проклятиями, которые, если и свидетельствуют о чём-нибудь, так только о том, что «не было более гордого сердца, чем у юноши, написавшего книгу» (примеч. Д.: речь идёт о французском поэте романтического направления Петрюсе Бореле (1809-1859)). Но на заглавной странице имеется гравюра, изображающая Бореля сидящим за столом во фригийской шапке на голове, шея и руки его обнажены, в руке он держит кинжал с широким клинком, который он в раздумье и рассматривает. Книга вышла в 1832 году! При Луи Филиппе!

А вот отрывки из предисловия:

«Если бы кто-то спросил меня, республиканец я или нет, то я открыто сказал бы: да, я республиканец. Но пусть бы это лицо лучше спросило у герцога Орлеанского (т.е., у короля), помнит ли он голос, неустанно преследовавший его 9-го августа, когда он верхом отправился в бывшую палату депутатов для присяги и слушал радостные ликования обманутого народа - я тогда кричал «Свобода и республика!»... Мне нужны громадные пределы свободы...».

Юношеское увлечение искажало перед ним действительность. В романе «Madame Putiphar» мадам де Помпадур, которую Брандес характеризует как «веселую любившую искусство *Музу эпохи рококо*, отличавшуюся маленьким легкомысленным пристрастием к свободомыслию, покровительствовавшую энциклопедистам и гравировавшую под руководством Буше (примеч. Д.: Франсуа Буше (1703-1770) - французский живописец эпохи рококо)», он превратил в мегеру ...

Автор не имел успеха, нуждался и умер в Алжире то ли от голода, то ли от солнечного удара.

Про людей с таким темпераментом не знаешь, чего им желать: успеха или гибели. Когда они выходят в люди, то получают Сен-Жюсты, или тот художник, который выведен в романе Анатоля Франса «Боги жаждут» (примеч. Д.: напомним, что якобинский деятель Великой Французской революции Луи Антуан де Сен-Жюст (1767-1794), являвшийся автором «плана пересоздания государственного строя, с целью полного подчинения личности обществу», в результате «термидорианского переворота» был арестован и казнён). Когда они заберут власть, то окружающим несдобровать, гильотина заработает во всю.

Другой поэт такого же типа, Берурон (примеч. Д.: сведений об этом поэте мне разыскать не удалось – возможно здесь опечатка в написании фамилии), заставил напечатать в газете, которая над ним насмеялась, слова: «Я предпочитаю Ваши насмешки Вашей хвале после того сочувствия, с которым Виктор Гюго, Сент Бёв, Фердинанд Дени и многие другие поощрили мой талант (примеч. Д.: помимо широко известного французского писателя Виктора Гюго (1802-1885), почитаемого во Франции и как авторитетнейшего поэта, здесь упоминаются французские критики и литературоведы Шарль Огюстен Сен-Бёв (1804-1869) и Жан Фердинанд Дени (1798-1874)). Так как вы меня к тому вызываете, я хочу, в виду Вашей бессовестности, привести несколько слов, которыми меня почтил сам гений. Виктор Гюго пишет мне: «Я читаю Ваши стихи в кружке друзей совершенно так же, как стихи Анри Ламартина или де Виньи (примеч. Д.: не удалось мне найти никаких сведений и про *Анри* Ламартина – возможно здесь имелся ввиду французский поэт-романтик *Альфонс* Ламартин (1790-1869), каковым является и Альфред Виктор де Виньи (1797-1863)). Невозможно в большей степени овладеть тайнами формы и т. д.». Вот что пишет Гюго человеку, которого Вы называете приказчиком».

Беда похвалить такого человека.

Н.Н.Бухгольц (примеч. Д.: известный механик, профессор Николай Николаевич Бухгольц (1880-1944) был первым заведующим кафедрой теории упругости, созданной на Мехмате МГУ в 1934 году, а в 1938-1943 годы возглавлял на нашем факультете кафедру теоретической механики (пока заведующий этой кафедрой Александр Иванович Некрасов (1883-1957) находился в заключении, будучи репрессированным по так называемому «делу А.Н.Туполева») как-то, желая поощрить некоего юного изобретателя, изобретшего эллиптический циркуль, дал ему поощрительный отзыв. В результате этот изобретатель поступил в Университет, ничего там не делал, получая благодаря шарлатанской организации, именуемой «Обществом Изобретателей», высшую стипендию, недоступный для прекрасно работавших студентов паёк.

Это был, правда, наглый мошенник. А вот другой пример, трагический и грустный.

Среди молодых математиков, выросших около Егорова, был некий Лев Генрихович Шнирельман. Человек не без таланта, но со всеми недостатками человека, мнящего себя гением. В теории чисел он нашел результат очень интересный, обративший на себя внимание Ландау (примеч. Д.: имеется ввиду Гёттингенский математик (Германия) Эдмунд Ландау (1877-1938)) и других европейских математиков. Итак, гений был общепризнан. А дальше начинаются вещи, о которых лучше бы не писать в его биографии: травля его учителя Егорова, присвоение им себе каких-то «сыщицких» функций в среде математиков, травля Лузина.

Таланту было мало, а фимиами курился вокруг трусами, прохвостами и добрыми приятелями непрерывно. Ждали гениальных открытий, а их не было. Ждали всемирной славы, почестей, а их тоже не было. Попытка устроиться на работу в Университет ни к чему не привела: лектор был никудышный, никто его не слушал, администратор был вообще ни к чему не пригодный. В результате ни славы, ни признания, ни денег. Бедняга не выдержал и отравился газом. Здесь погубили друзья и собственное самомнение, выросшее на почве неумеренных надежд и похвал.

В юности многие поддают надежды. Но когда эти надежды принимаются уже за выполненное, то, увы! В 9 случаях из 10 оказывается, что эти надежды не оправдываются.

Всё это приходит в голову при мысли о судьбе Галуа. Неизвестно, что бы он сделал в науке. Может быть, очень много, был бы гением, гордостью и славою человечества, а может быть, он в юности пропел всё, что мог и умер потому, что «мера дел его исполнена».

В нашей современной жизни с её соревнованиями, похвалами, премиями и другими беспринципными и развращающими пошлыми глупостями, молодежь с детства развращается. В школе ему кричат не о том, что надо быть полезным гражданином,

человеком чести и долга, а непрерывно внушают мысль о том, что он вундеркинд, кричат о «лавреатах» (примеч. Д.: здесь, и далее, этот термин Владимира Васильевича мы сохраняем, ставя его в кавычках), о славе. И беда, если он в начале жизни, действительно, сделает нечто – друзья погубят его неумеренными похвалами. Ведь из «лавреатов» что-нибудь выходит очень редко, а, наоборот, бездельников, неудачников, людей с малыми данными и большими аппетитами – сколько угодно.

Вот какие мысли приходят в голову, когда думаешь о трагической судьбе Галуа. Тихие, скромные гении, вроде Абеля, которого судьба тоже не баловала, встречаются реже, чем неудачники и скандалисты ...

20 VII – 22 VII 1942 г.

В годовщину отъезда из Москвы.